

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них — мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

Ах, бог любви, загадочный поэт,
Вас наградил совсем особой меркой,
И нет таких, как Вы...

Н. Гумилев

Глава 1

Он хотел убить *ее*. Но не смог. Он с самого начала решил, что убьет *ее*, как только *она*... Не получилось. Он потерял контроль над собой, увлекся. Он втянулся в странную, волнующую игру, которая заставила его потерять голову. Он дошел до того, что начал строить планы, включая в них *ее*!

Все шло так гладко, так легко, и когда он уже почти достиг цели, вмешалась судьба. Он был на волосок... не от смерти, нет — от невероятной, неслыханной, сказочной удачи! А удача — дама капризная. Когда ее слишком настойчиво преследуют, она начинает выскальзывать из рук. Она не любит охотников. Бесшабашные гуляки, безумцы и влюбленные — вот ее короли, принцы и принцессы. Удача неразборчива... Как несправедливо!

Он помнил *тот* день до мельчайших подробностей. Вернее, наступил уже вечер. Он сидел в сумрачном, гулком зале — уставший, не выспавшийся, — и тут... ему на глаза попало то, о чем он грезил в своих золотых снах.

— Этого не может быть, — шептал он. — Не может быть...

И жадно возвращался к тому, что увидел. Он с детства лелеял эту мечту, но не представлял себе, каким образом она могла бы осуществиться. В этом времени, в этой стране...

Если бы он жил в шестнадцатом веке! Или в семнадцатом. Если бы он был лордом, графом... алхимиком или путешественником, тогда... Если бы он был везунчиком, как некоторые! Нет, ему каждый жизненный шаг давался с трудом, потом и кровью. Он все зарабатывал своим собственным горбом, света белого не видя. А другие ловили ветер удачи и плыли к волшебным островам.

Но разве божественное провидение не разделило шансы поровну между всеми? Разве у фортуны есть любимчики и изгой? Судя по его наблюдениям, есть. И всегда были. Он до сих пор относил себя к изгоям. Может быть, он ошибался?

Наконец-то и ему улыбнулась удача! Теперь уж он ее не отпустит, не даст вырваться из цепких рук и упорхнуть. Не дождетесь! Он единственный сумел разглядеть золотой проблеск под слоем многовековой пыли. Он додумался до того, что видели многие, но никто не понял. Он — избранный!

И с того дня началась его охота. Он шел по следу, перебирая десятки, сотни вариантов и отбрасывая их один за другим. Он отчаивался и вновь возрождался для вдохновения. Без страсти и силы не происходит ничто великое! Он доберется до вершины, чего бы это ему не стоило. Он пойдет на любые жертвы и лишения, но не отступит. Он непобедим в своем стремлении к обладанию...

На этом его мысли обрывались. Миг обладания! Дальше — а дальше простиралась пустота. Он пытался заглянуть в нее... но тщетно. Пустота пугала его, и он старался о ней не думать.

Его охота стала приносить первые плоды. Пусть пока незначительные. Главное — он на верном пути. Он взял след, который приведет его... к желанной цели! А там — будь, что будет. Если для этого придется пролить кровь, он ее прольет. Мало, что ли, крови проливали люди? Самые большие реки крови проливались за идею... Разве не глупо? Променять жизнь на сомнительные убеждения, бороться за чужие идеалы? Зачем?

Его охота становилась все увлекательнее. Он преодолевал препятствие за препятствием, снимал слой за слоем... он почти расчистил себе дорогу. Он узнал многое, но не все. Последние шаги оказались самыми трудными. Он путался,

Третий после смерти

шел по ложным следам, возвращался в исходную точку и начинал все с начала. Он был неутомим.

Его охота стала смыслом его жизни, заменила ему все, чем он дорожил раньше. Она стала его единственным светом в угрюмом лабиринте существования. И вот, когда осталось только протянуть руку... все срывается! Откуда ни возьмись, появляются люди, которые пытаются перехватить желанную добычу. Кто-то незаслуженно хочет присвоить себе лавры победителя. Без всяких усилий. Раз — и в дамки!

Он не может такого допустить. Жизнь похожа на шахматную партию — если какую-то фигуру надо убрать, ее убирают. Потом он покается... замолит грехи, обратится к богу за помощью и прощением. Не сейчас.

Его охота подошла к последнему этапу, и нельзя никому позволить приближаться к вожаденной награде. Никому! Он будет бороться за нее до последнего вздоха, до последней капли крови. Если придется убивать... что ж, старый способ избавляться от соперников здесь вполне подойдет.

— Я слишком умен, чтобы попасться, — уверял он себя, когда предательский страх поднимал голову. — Я знаю, как действовать, чтобы не подвергать себя опасности. Меня никогда не найдут. Я все обдумываю заранее, учитываю все детали. Я не оставляю следов. Я сам охотник и не намерен приобретать повадки дичи. Я неуловим!

Так он успокаивался. И снова выходил на охоту. Ему приходилось рисковать, но риск был оправданным. Он приносил результаты. Не совсем те, на которые охотник рассчитывал. Происходило нечто неожиданное, путало все карты.

Вот и сейчас. Он надеялся, что ему никто не помешает. Вроде бы он рассчитал время... Время! Как его катастрофически не хватало! Приходилось допускать небрежности и полагаться на везение. До сих пор ему это удавалось.

Кто же мог знать, что *она* появится именно здесь, именно в эти минуты? И увидит... Ему пришлось спрятаться. Он присел, притаился за ширмой, задержал дыхание. Такая ширма в старинном стиле, сделанная из натурального дерева, стоит уйму денег. Больше она хозяину не понадобится. Ему вообще больше ничего не понадобится из нажитого.

Но что здесь делает *она*? Каким ветром *ее* сюда занесло? Неужели они созданы друг для друга — он и *она*?! Не совсем подходящий повод для свидания.

От ширмы шел запах лака и дорогой ткани. В щелку на стыке охотнику было отлично все видно. *Она* входит — испуганно-настороженная... Может, и *ее* убить? Нет, нельзя... На *нее* вся надежда. И потом, разве он может лишиться *ее*? С самого начала он решил, что *ее* лучше убить, когда *она*... выполнит предназначенное. Но как *ее* заставить сделать это? *Она* сопротивляется. Возможно, чувствует неладное. Каким образом? Ведь он отлично замаскировался. *Ей* и в голову не приходит, что...

Он слышал *ее* шаги, заглушаемые стуком его сердца. Если *она* заглянет за ширму, то уже не спасется.

«Уходи! — мысленно заклинал он. — Беги прочь отсюда! Ты мне еще нужна. Я не могу убить тебя сейчас. А может быть, не смогу убить вовсе. Но ты будешь со мной рядом — навсегда, навеки. У нас нет выбора. Уходи же!»

* * *

В Москве стояла снежная, морозная зима. По утрам солнце поднималось в ледяной розовой дымке, купола кремлевских соборов соперничали с ним золотым блеском. Снег скрипел под ногами прохожих.

По четвергам Тарас Михалин и Феликс Мартов с утра ходили в баню. Это превратилось для них в нечто вроде священнодействия, неперемennого еженедельного ритуала.

Настоящая русская баня «Парная у Раздольного» была их собственным детищем, они открыли ее два года назад, прежде всего, чтобы самим париться. Ну, а поскольку занимались они коммерцией, причем весьма успешно, то решили и с бани поиметь выгоду. Кроме обычных услуг парной — душистого травяного пара, березовых веников и прочих банных атрибутов, желающие могли поплавать в бассейне, попить чайку с медом, кваску, клюквенного морсу, брусничной настойки. Любители пива и водочки имели возможность закусить вареными раками, блинами, икоркой, осетринкой,

Третий после смерти

солеными груздями, сибирскими пельменями. Заведение было оборудовано в добротном старинном духе, отделано специальными сортами дерева — не как попало, а со вкусом и знанием дела. Баня приобретала популярность, несмотря на довольно высокую плату за все удовольствия.

По четвергам «Парная у Раздольного» открывалась только в полдень, после того как попарятся властью хозяева.

Тарас посмотрел на часы — он уже сорок минут сидел в предбаннике, ждал Мартова. Уж не случилось ли чего? Домашний и мобильный телефоны Феликса молчали.

— Принеси-ка мне перцовки, братец, — попросил банщика Тарас.

Тот понимающе кивнул, вышел, через минуту вернулся с запотевшей бутылкой «Горилки с перцем» на подносе, рюмкой, блюдечком икры.

— Не волнуйтесь, Тарас Дмитриевич, — сказал он, переставляя все это с подноса на некрашенный деревянный стол. — Может, господин Мартов у женщины ночевал... вот и задерживается. Дело молодое, горячее!

— Иди, — махнул рукой Тарас. — Я тут один посижу.

Тарас Михалин в прошлом был выдающимся спортсменом-гимнастом. Олимпийским чемпионом он так и не стал, хотя имел серебряные и бронзовые награды, поэтому решил уйти из большого спорта. «Вечный второй» — такая роль пришлась ему не по вкусу. Оставив спорт, Тарас занялся журналистикой. Это быстро ему наскучило.

Друг предложил попробовать себя в бизнесе — продавать спортивную одежду, инвентарь, открыть несколько тренажерных залов.

— Заработаем денег, начнем издавать журнал «Плейбой для спортсменов», — уговаривал он Тараса. — Или «Спортивный плейбой». Тебе как больше нравится? А на обложках будем помещать твою фотографию. Вон ты какой красавец! По улице рядом с тобой идти невозможно — женщины так и млеют. Глядишь, и на меня глаз положит какая-нибудь мисс Москва — благодаря тебе!

— Шутишь?

— Может, и шучу, — смеялся Феликс.

Вместе с Феликсом Мартовым они два года учились в университете на факультете журналистики. Потом Мартов ушел, подался в репортеры, ездил на Ближний Восток, чудом остался жив. По возвращении в Москву устроился на телевидение, пытался делать авторскую программу — не получилось. Бросил, взял в банке кредит и открыл свое дело. Как ни странно, бизнес у него пошел.

— Торговля — это мое призвание, — признался Феликс, когда они с Тарасом случайно встретились в одном из уютных московских кафе. — Никогда бы не подумал. Родители у меня филологи, и сам я готовился к карьере писателя или режиссера. В крайнем случае сценариста. А оказалось, я не литератор, а торгаш: люблю продавать! Ты разочарован?

Михалин покачал головой.

— Я ушел из спорта, — вздохнул он. — Закончил наконец университет. Только журналиста из меня не вышло.

— Женился?

— Нет.

— И я холостякую! — обрадовался Мартов.

До Тараса доходили слухи о якобы несчастном романе Феликса с девушкой-репортером, погибшей на Ближнем Востоке. Она была француженкой, из семьи русских эмигрантов. Погибла в Газе. Катя Жордан, так ее звали.

Из кафе они отправились к Феликсу домой, в его трехкомнатную квартиру на улице Плеханова.

— Родители оставили, — объяснил он Тарасу. — А сами переехали в бабушкину на Каланчевскую. Там две комнаты, им хватает, и платить меньше. Выпьем, что ли, за встречу?

Он достал из холодильника водку, оливки, ветчину и свежие огурцы. Разговорились... Тарас поделился своими проблемами: из спорта и журналистики ушел, а куда податься, не знает. Феликс сочувственно кивал головой, слушал. Рассказал о Кате.

— Если бы я успел довести ее до больницы... Ей осколок попал в грудь, было сильное кровотечение. Я ничего не смог сделать, не смог ей помочь!

Он принес фотографию в темной рамке — тонкое лицо, большие глаза, пухлые красивые губы, чуть вьющиеся стриженные волосы.

— Это Катя...

Михалин деликатно промолчал. Что тут скажешь? В утешении Феликс вряд ли нуждается — прошли годы, боль припустилась, да и есть ли слова, которые могли бы его утешить?

— А ты отчего не женишься? — спросил Мартов. — Пора, мой друг, пора!

— Пока спортом занимался, не до того было, а теперь... Какая женитьба, когда я на ноги еще твердо не встал? Семью кормить надо. А какой из меня кормилец?

Тарас лукавил. О женитьбе он вообще не думал, семейная жизнь его не привлекала. Успеет еще! Занятия гимнастикой, бесконечные разъезды, изнурительные тренировки, железная дисциплина, дни, расписанные по минутам, — все это порядком ему надоело. Хотелось свободы, новых впечатлений. Бывший тренер звал его к себе, давал группу перспективных ребят, но Тарас отказался наотрез. Со спортом покончено. Уходя — уходи.

Тогда Мартов и предложил ему совместный бизнес. Эх, была не была! Тарас согласился, бросился в незнакомую стихию, как в омут, с головой. Он не привык ничего делать наполовину.

— Назовем фирму «МиМ», — сказал Феликс. — «М» и «М» — Мартов и Михалин! Твое имя в спортивных кругах известно, займись-ка ты рекламой наших товаров.

То ли Феликс своей уверенностью в успехе увлек Тараса, то ли у бывшего спортсмена пробудилась склонность к торговле — дела у них пошли как по маслу: быстро, легко, красиво. Заключение договора с зарубежными партнерами, открыли несколько дочерних фирм, начали подумывать о журнале. Оба ведь когда-то учились писать! Тарас даже успел издать десяток статей под псевдонимом Панкрат Раздольный. Этот псевдоним и дал название их русской бане.

Михалин выпил на голодный желудок третью рюмку и охмелел. Закусывать не мог — не хотелось. Прошло еще

полчаса, а Феликс так и не пришел, не позвонил. Может, по дороге что случилось?

Тарас оделся, вышел из бани... Морозный воздух обжег лицо. Девственная белизна снега слепила глаза, на ней лежали синие тени.

На парковочной площадке стояла его новенькая «Ауди». Садиться выпившим за руль он не привык, но не ловить же такси? Три рюмки — это не так уж и много. Он медленно, осторожно выехал на шоссе и через двадцать минут был уже у дома Феликса на улице Плеханова. На двери подъезда стоял кодовый замок. Тарас нажал нужные кнопки и оказался в просторном, чистом парадном. Лифт мягко заскользил вверх, на пятом этаже остановился. Тарас вышел. Дверь в квартиру Феликса была открыта, он это сразу почувствовал: обычно она прилегала плотно, почти без щели.

Михалин остановился, прислушался. Из квартиры не доносилось ни звука. Он зачем-то посмотрел на лестницу, и вверх, и вниз — там никого не было. Тогда Тарас потянул дверь на себя, и она мягко, плавно подалась, открылась... В прихожей царил беспорядок — все было разбросано, перевернуто вверх дном. То же творилось и в гостиной, и в спальне, и в кабинете хозяина. Феликс лежал на полу кабинета рядом с письменным столом, лицом вверх. Из его груди торчала рукоятка ножа.

Все это было настолько нелепо, даже в чем-то театрально, что показалось Тарасу бредовым видением, которое вот-вот рассеется. Но видение не исчезало. Надо было что-то делать... Он приблизился к телу, наклонился, хотя сразу понял: Феликс мертв.

Глава 2

Костров. Год назад

— Посмотри в ноты, — устало сказала Маша, глядя мимо ученицы в окно, за которым сплошной стеной валил снег. — Ты путаешь аккорды.

Девочка исправила ошибку, но следующий такт снова сыграла фальшиво.

— Хватит... — вздохнула учительница. — Поработай над этим дома. А сейчас открывай сонату...

Девочка заиграла Гайдна¹, поминутно сбиваясь и делая остановки. Маэстро сошел бы с ума, услышав, как безбожно коверкают его произведения. Но Маша — Мария Варламовна Симанская — за годы работы в музыкальной школе и не к такому привыкла. Она молчала, терпеливо постукивала ногой, помогая ученице соблюдать ритм.

— Раз-и, два-и... — бормотала та, кивая от усердия головкой с рыжими косичками.

Уроки были невыносимо однообразны, скучны, как и надоевшие снежные сугробы, похоронившие под собой маленький глухой городок Костров. Третьи сутки мела метель, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Мутная пелена отрезала городок от окружающего мира, и казалось, будто это — последний остров на краю туманной белесой бездны.

По утрам солнце стояло на низком небе серебристым пятном, из труб курились дымы, деревья потрескивали от стужи. А по бокам тротуаров громоздились снежные горы.

Хорошо было заходить с мороза в тепло деревянного здания школы, где в печах трещали дрова, крашенные полы были чисто вымыты, в окна классов заглядывал пушистый от инея и снега старый сад...

— Чай пить будете? — спросила пожилая уборщица Матрена Карповна, робко приоткрывая дверь.

Мария Варламовна степенно кивнула, и дверь бесшумно затворилась. В Кострове привыкли уважать учителей, особенно учителей музыки. Уметь играть на фортепиано, скрипке или аккордеоне считалось признаком хорошего тона, и все зажиточные семьи стремились дать детям музыкальное образование. Хотя бы начальное.

Госпожа Симанская сделала записи в дневнике ученицы, глубоко вздохнула и поправила тяжелый узел волос на за-

¹ Гайдн, Франц Йозеф (1732–1809) — австрийский композитор.